

УДК 2-265.3(292.415)

**ПЕРСОНАЖИ КАРЕЛЬСКИХ ЭПИЧЕСКИХ ПЕСЕН:
НА ПУТИ ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ХРИСТИАНСТВУ**

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены проблемы изменения сюжетов карельских эпических песен под влиянием процесса распространения Православия на территориях Олонецкой и Архангельской епархий. Первоначальные представления о создании мира сохраняются, дополняясь реалиями приходской жизни, теснейшим образом связанными с христианскими представлениями. Эпические песни позволяют пережить ситуацию культурного шока, связанного с резкими и существенными переменами в мировоззрении жителей Северной Карелии.

Ключевые слова: эпос, крестьяне, карелы, Христианство, духовенство, мировоззрение, язычество.

**THE CHARACTERS OF KARELIAN EPIC SONGS:
FROM PAGANISM TO CHRISTIANITY**

Pulkin M.V.

The article deals with the problem of changing scenes in Karelian epic songs influenced by the spread of Orthodoxy in areas of Olonets and Arkhangelsk dioceses. The initial idea of the world creation is saved, enhancing support the realities of parish life closely associated with the Christian ideas. Ultimately, epic songs allow the situation to go through the culture shock associated with abrupt and significant change in the outlook of the inhabitants of Northern Karelia.

Keywords: epic, peasants, Karels, Christianity, clergy, worldview, Paganism.

Первый взгляд на карельские эпические песни показывает, что в них на явные следы архаического мышления накладывается актуальный жизненный опыт и творческий потенциал сказителей XIX – середины XX вв. *Проблема гармоничного сочетания архаического сознания и христианского*

мировоззрения является центральной в данной работе. Древнейший пласт в карельском эпосе со временем подвергся существенной переработке. В итоге «его основной пафос получил полное и совершенное поэтическое воплощение» [4, с. 95]. В литературе легко найти выводы о том, что основным содержанием деятельности персонажей эпических песен стала война, противостояние темным силам (мужам страны Похьела) или еще каким-нибудь менее известным, но грозным личностям. Такие представления сегодня удастся заметно скорректировать. Персонажи эпических песен создают природные и культурные объекты. Они настойчиво устанавливают социальные институты, обладая в глазах членов первобытной общины «необходимой для героя свободой деятельности» [4, с. 22]. Основной пафос содержания мифа заключается в стремительном «превращении хаоса в космос» [4, с. 24]. Космизацией хаоса является процесс миротворения, включая добывание культурных благ, магических предметов и беспощадную борьбу с хтоническими чудовищами. При всем разнообразии сюжетов эпических песен *главной целью деятельности их наиболее известных персонажей является творение.* Речь идет не о современном понимании творческой деятельности как создании «чего-то нового», а о творении мира, начиная с самых основ его бытия.

Центральными персонажами-творцами в карельских эпических песнях являются Ильмаринен и Вяйнямёйнен. Постоянно конкурируя между собой, они являют примеры различных типов творения. Вяйнямёйнен «как культурный герой выражает мощь коллективного труда (и пафос покорения природы), а Ильмаринен – в известной мере индивидуализированного, "профессионального"» [4, с. 129]. Один связан с примитивным хозяйством ранней первобытной эпохи. Второй – в большей степени отражает приоритеты нового хозяйственного уклада. Для него более важным становится освоение и совершенствование технологий (кузнечного ремесла). В архаическом сознании кузнечное ремесло устойчиво отождествлялось с магией.

Карельские эпические песни не включают сюжеты *об обретении* героем исключительных сверхъестественных сил и умений. Их персонажи изначально предназначены к творению. Создание новых явлений мифологической действительности происходит внезапно, в силу стечения обстоятельств. *Средством* творения, используемым персонажами рун, является слово, что сближает языческое и христианское миропонимание. Персонажи эпических песен осуществляют творение и вполне обычным способом. Речь идет о собственноручном изготовлении чудесных снадобий, спасающих от болезней, создании кантеле. Мир представляется носителям традиции рукотворным, созданным неизменно мудрыми персонажами и потому сакральным, вечным и неизменным в своих основах. Многие века, прошедшие после его творения, не породили равнозначных, столь же могущественных героев. Новое время лишено права на изменение существующего порядка вещей. Стало бы большой ошибкой отождествлять творение мира в эпических песнях с божественным творением в христианской религии. Создание библейским Богом-творцом всего сущего подчинено плану. Последний предполагал как напряженную «работу» Создателя всего сущего, но и Его отдых. Герои эпических песен творят неустанно. В их деятельности наблюдается гармоничное сочетание работы и колдовства. Но это всегда творение спонтанное, оно изначально стало их сущностью и не подчиняется рациональным планам. Его целью не является создание мира со строгой иерархией высших и низших существ, на вершине которой поставлен человек. Самые различные живые существа и стихии участвуют в тех или иных актах творения, но человек не становится венцом. Скорее он слабое, отягощенное страстями существо. Сталкиваясь с новшеством, возникшим независимо от него, мифологический герой, такой, казалось, великий и могучий, явно теряется. Раненый металлическим топором Вяйнямйнен не знает средства исцеления от нанесенных железом ран. С трудом он находит умелого избавителя-лекаря из числа местных жителей. Ведь он персонаж, пришедший из каменного века. Железо, связанные с ним

опасности и возможности предотвращения исходящих от него угроз ему абсолютно не знакомы.

Цель творения не осознается самими творцами. Народное сознание сакрализует изобилие и достаток, сулящий благополучное будущее, и тем самым устанавливает почитание внешних сил благодати, в качестве которых выступают персонажи мифологии [3, с. 44-45]. На первых порах происходит создание мира, природы. Затем настает черед творения чудесной мельницы Сампо. Последняя стала символом неиссякаемого благополучия, источника разнообразных благ, связанных с хозяйственной деятельностью. В конечном итоге она является всеобъемлющей гарантией жизни людей, их коллективным достоянием. Борьба за Сампо является битвой за благополучную жизнь. В бескомпромиссном противостоянии способность к творению становится решающим фактором. *Творческий потенциал стал в эпических песнях основным критерием для разграничения светлого и темного миров* (в карельских эпических песнях это Калевала и Похьела). Сами по себе миры не являются «злыми» или «добрыми». Похищение чудотворных предметов, жесткость действий характеризует обе противостоящие стороны. Услышав жалобу ладьи на отсутствие добычи и прозябание на берегу, Вяйнямйнен немедленно возвращает ей воинственное предназначение:

Берег шведский разорял он,

Раздобыл добра он вдоволь [1, с. 205].

Однако способностью к творению персонажи из обоих миров – Калевалы и Похьелы – наделены в разной степени, *что и является их единственным определенным и четким разграничительным признаком*. Хозяйка Похьелы обращается к персонажу-творцу для создания новой важной части рукотворного мира. Выкованное по ее воле Сампо служит примером проявления дуализма в творении всего сущего. Его парадоксальность заключается в процессе изготовления. Ильмаринен кует Сампо по «заказу» старухи Лоухи – чуждого, опасного и враждебного персонажа. Однако он не способен изготовить чудесную мельницу для стабильного процветания своего

народа. Вслед за сотворением Сампо немедленно похищают сами же его создатели. В древнейших вариантах эпических песен Сампо просто коварно похищают из иного мира. Попытки оправдать похищение являются поздними интерпретациями действий героев мифов исходя из более близких и понятных нам этических норм.

Особая роль добытого в сражении Сампо в космогенезе отмечена предшественниками. Миф о Сампо является «бессознательно-художественной переработкой представлений о происхождении растительности, злаков, богатств морских глубин» [2, с. 72]. Впоследствии Сампо, осмысляемое как источник изобилия, вырывается из-под контроля людей, начинает действовать самостоятельно, реализуя заложенный в нем мощный потенциал путем радикального преобразования природы. Вода в море становится соленой из-за непрерывного производства соли от потопленного Сампо. Так в образе Сампо в наибольшей степени проявилось присущее мифологическому сознанию отсутствие четкой грани между субъектом и объектом. Образ Сампо позволяет определить границы творения и возможностей творца. Созданное вполне может выйти из-под контроля, обрести неожиданные предназначения и даже превратиться в противоположность задуманному. Сампо является здесь ярким, но не единственным примером. Особенно ощутимы пределы творения в создании людей. Намереваясь выковать совершенное человеческое существо, Ильмаринен использует лучшие материалы – золото и серебро. Все усилия тщетны: невеста оказывается ледяной, лишенной разума. Родня советует посрамленному кузнецу посвататься к живой, хотя и не столь совершенной девушке.

Карельские эпические песни содержат огромное число сюжетов, проработанных в различной степени. Среди них крайне трудно отыскать общую канву, единые, выверенные критерии оценки поведения персонажей. Стало бы большой ошибкой сводить все сюжетные линии в одну колею, пусть и такую просторную, как творение. Однако указанный элемент повествования является наиболее существенным, центральным. Главная функция мифа

«состоит в том, чтобы задать образцы, модели для всякого ритуала и для всякого важного действия, совершаемого человеком» [7, с. 373]. Эти образцы стали существенным образом меняться под воздействием христианского вероучения, постепенно проникающего в глухие уголки Карелии. Сюжеты эпических песен постепенно обогащались христианизированными вкраплениями. Последние оказались немногочисленными в силу слабой развитости приходской системы и языкового барьера между белым духовенством и прихожанами. Общие для Архангельской и Олонецкой губерний закономерности особенно отчетливо проявились в Северной Карелии. Существующая здесь «форма организации религиозной жизни привела к полному устранению священно- и церковнослужителей из повседневной жизни крестьян». Сохранялись языческие верования, широко распространилось влияние старообрядчества [5, с. 26]. Крестьяне-карелы не посещали храм из-за огромных расстояний, разделяющих приходские селения и церкви. Клир регулярно путешествовал по приходу, со значительным опозданием совершая церковные обряды. Парадоксальные коллизии религиозной жизни прямо и косвенно влияли на сюжеты эпических песен.

Эпические песни исполнялись верующими. Но их религиозные представления отличались своеобразием. Они содержали ярко выраженные мифологические черты, тесно переплетенные с христианскими сюжетами. Трансцендентный мотив нередко являлся доминирующим как в эмоциональном, так и в смысловом аспектах. Вера во всемогущество Бога присутствует в эпических песнях. Мать погибшей от случайного выстрела девушки надеется на помощь сверхъестественных сил:

*Помолюсь Творцу смиренно,
Отслужу я Богу службу,
Может, оживит он дочку* [1, с. 111].

Присутствие духовенства маркирует окультуренное пространство. Жители Страны Туманов, нередко отождествляемой с потусторонним миром Похьелы, названы «язычниками». Оказавшийся в ней Вяйнямйнен со слезами

описывает свою печальную участь: *«Как я угодил, бедняга, / На чужие эти земли, / В местность, где попов не видно!»* [1, с. 142]. Иные примеры связаны с другими известными персонажами. Мифический кузнец, «вековечный кователь» Ильмоллини, работает в кузнице, «где поп не ходит, где и окон-то совсем нет». Запредельностью расположения его мастерской обусловлена коллизия: поддавшись обману, персонаж эпических песен убивает всех своих родственников и остается совершенно один [1, с. 399].

В мире персонажей эпических песен христианские знаки-символы становятся залогом стабильности, верности обещаниям, неизменности судьбы: *«Обещал быть вечно вместе, / Вечные давал он клятвы / Ей пред иконой медной»* [1, с. 315]. Образ «попов» не может не наделяться положительными чертами. Вопрос состоит лишь в значимых причинах возникновения и сохранения позитивных черт. При анализе карельских эпических песен необходимо помнить о ряде существенных обстоятельств, накладывающих отпечаток на образ «попа».

Во-первых, образ священника формировался в народном сознании как обобщенный образ высокостатусной личности. Эпические песни абсолютно не замечают реально существовавшую проблему языкового барьера между прихожанами и духовенством. Слово «поп» понятно каждому и вызывает отклик в сердцах: *«Поп хвалил ее в приходе, / Род земной любил девицу»* [1, с. 21].

Во-вторых, в основном ареале бытования карельских эпических песен контакты духовенства и прихожан оставались редким явлением, что накладывало ощутимый отпечаток на фольклорные тексты. Путь к местной церкви превращался в путешествие, полное трудов и опасностей. Эпические песни придают бытовой проблеме грандиозный размах. Речь идет не только о преодолении пространства, но и о попутной утрате персонажем определенных свойств, характерных черт языческой эпохи. Прежде песня-заклинание имела сакральный смысл и мощную магическую силу: *«Каменист был путь до церкви, / У певца разбились сани, / Певчий полоз в них сломался»* [1, с. 116].

В-третьих, священник являлся единственным проводником русского культурного влияния в тех местностях, где сохранялись карельские эпические песни. С этим существенным обстоятельством связан как интерес к его личности, так и настороженное отношение к «попу». В то же время стереотипное представление об отсутствии в фольклоре положительного образа представителя белого духовенства не находит подтверждения в изучаемом источнике. Доказательством красоты девушки стал факт сватовства к ней, помимо других женихов, местных «попов»: *«Свататься попы ходили, Господа шли из дворца к ней»* [1, с. 23].

Существенное внимание в карельских эпических песнях уделено статусу приходского духовенства. «Попы» наделены особыми полномочиями, предъявляют населению собственные строгие требования, связанные с регулярным совершением христианских обрядов. Карелы придавали особое значение ритуальной стороне религиозной жизни. Эпические песни явно указывают на это обстоятельство. В обрядах жизненного цикла важную роль играло погребение. Один из героев эпических песен, Лаппалайнен, описывая свою тяжкую участь, подчеркивает обстоятельства грядущей близкой гибели и возможного погребения без соблюдения христианских обрядов: *«Умереть могу, бедняга, / И без ладана погибнуть...»* [1, с. 108].

Подводя итоги, отметим, что в карельских эпических песнях предпринята попытка осмысления нового для карельской деревни явления: церковного влияния, становящегося все более ощутимым и использующего государственную поддержку, пытающегося заметно изменить освященный веками строй жизни местного населения. Известно, что «определяющую роль для фольклорного творчества играют элементы этнографической действительности» [6, с. 117]. В данном случае она связана с распространением и утверждением христианской идеологии. Возникновение и развитие православных элементов в карельских эпических песнях подчиняется общей закономерности. Объективно христианские сюжетные линии в эпических песнях способствовали ускоренной интеграции новых ценностей в

мировоззрение карельских крестьян. Враждебность новизне прослеживается слабо. Очевидно иное: включая в традиционные сюжеты реалии приходской жизни, рунопевцы последовательно адаптируют их к быстро меняющимся историческим условиям, при которых христианское вероучение стало одним из важных компонентов мировоззрения карельских крестьян.

Список литературы:

1. Карело-финский народный эпос. В 2-х книгах. М.: Восточная литература, 1994. Кн. 2. 458 с.
2. Киуру Э. Миф о Сампо // «Калевала» – памятник мировой культуры. Петрозаводск: «Карелия», 1986. С. 71–84.
3. Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998. 304 с.
4. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Восточная литература, 2004. 462 с.
5. Пулькин М.В. «Корельские приходы» православной церкви в Кемском уезде (вторая половина XIX-начало XX в.). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. С. 23-31.
6. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. С. 117.
7. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mypulkin@mail.ru.